

М.Н. Климова

Томский государственный университет

**Об апокрифах древних и новых (Хождение Богородицы по мукам
и «Амнистия» Ю.О. Домбровского)**

Аннотация: Статья посвящена некоторым особенностям традиционных русских представлений о посмертной участи человека. Приведено сравнение древнерусского апокрифа Хождение Богородицы по мукам с лагерным стихотворением Ю.О. Домбровского «Амнистия» (1940), которое показывает развитие идеи «милости к падшим» в русской литературе.

The paper considers some peculiarities of the traditional Russian beliefs about man's posthumous fate. A comparison is drawn between the Old Russian Apocrypha («The Mother of God's Purgatory» and the camp poem «Amnesty» by Yu.O. Dombrovsky (1940), which reflects the development of the idea of «mercy to the fallen» in Russian literature.

Ключевые слова: христианство и литература, эсхатология, апокрифы, древнерусская литература, лагерная литература.

Christianity and literature, eschatology, the Apocrypha, Old Russian literature, camp literature.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Томск, ул. Ленина 34-а. ТГУ, научная библиотека. Тел. (3822) 539910. E-mail: Klimova@lib.tsu.ru.

Известно, что популярная сюжетная схема мировой литературы «Покаяние и спасение великого грешника» в силу определенных причин стала одним из фундаментальных мифов русского сознания. В основе этого историко-культурного феномена, как писал его первооткрыватель Ю.М. Лотман, лежит древний сюжет о путешествии человека в царство смерти. Он также отмечал, что в русской классической литературе изначальная трехчастность схемы, соответствующая богословской триаде «грех – покаяние – спасение», нередко принимает вид смысловой цепочки «преступление (подлинное или мнимое) – ссылка в Сибирь – нравственное возрождение». Но сквозь тюремно-лагерный локус русского художественного пространства проступает все тот же архаичный сюжет, поскольку место отбывания наказания мифологизируется, принимая черты загробного мира [Лотман, 1988, с. 338–339]. Одному из таких случаев и посвящена наша статья. Но отметим вначале парадоксальность некоторых традиционных русских воззрений на посмертную участь человека.

Русская модель загробного мира, как известно, двухчастна и переходных областей вроде католического чистилища не знает. Исторически это объясняется тем, что концепция чистилища сложилась в западном богословии относительно поздно, уже после разделения Церквей, в то время как Русь унаследовала из Византии исходную дуальную модель. Казалось бы, непререкаемая строгость этой модели, согласно которой человек после смерти попадал либо в рай, либо в ад, должна была способствовать укреплению русского благочестия. Однако при изучении повседневной жизни человека «Святой Руси» скалывается впечатление, что

наши предки боялись вечных мук ада меньше, чем их западноевропейские современники временных мук чистилища. Это отмечал в своем докладе «Русский грех и русское спасение» на форуме «Полит.ру» В.М. Живов [Живов], ссылаясь, в частности, на то, что древнерусские проповедники нередко упрекали свою паству в небрежении таинством исповеди, когда покаяние откладывалось чуть ли не до смертного часа. Эту особенность русской религиозной жизни можно сопоставить с национальной самохарактеристикой известной пословицы «Пока гром не грянет, русский не перекрестится». Так что характерное для отечественной культуры восприятие *мифа о великом грешнике* как нравственной парадигмы народной души имеет давние корни. Русская Церковь переняла из Византии все основные постулаты и догмы восточного христианства, однако в «бытовое богословие» наших соотечественников вошли из них лишь наиболее близкие особенностям национальной психологии. А в этой психологии тоска по дикой, ничем не ограниченной воле и стремление во всем доходить до крайнего предела [Лихачев, 1990] хорошо уживались со снисходительным добродушием и упованием на «русский авось». Иногда кажется, что из двух неоспоримых атрибутов христианского Бога – Справедливости и Милосердия, «русская вера» лучше запомнила и приняла второй, ведь ключевыми фигурами этой веры стали Благоразумный разбойник и блудный сын, притчу о котором хорошо усвоил уже автор Слова о полку Игореве. Справедливой кажется нам и мысль С.С. Аверинцева о том, что, приняв христианство позднее большинства народов Европы, русские ощущали себя евангельскими «работниками одиннадцатого часа», с которыми Хозяин заключил договор на особых условиях (ведь христианский мир жил тогда ожиданием скорого Конца Света).

Очень глубоко и даже интимно восприняло русское сознание и одно из основных положений христианского вероучения – догмат об искуплении. настолько глубоко, что сама идея ада вызывала в нем не только картины неизбежных адских мук, но и память о некогда свершившейся мистерии искупительного схождения в ад Богочеловека, ежегодно переживаемой заново во время пасхальной службы. Хотя «Божественная амнистия» коснулась лишь ветхозаветных праведников, в национальной памяти она запечатлелась как обнадеживающий пример Божьего милосердия к грешникам. Предпосылки такого понимания содержал основной источник сведений об этом событии Священной истории, апокрифическое Евангелие от Никодима, где читатель среди спасенных Христом ветхозаветных персонажей замечал грешных прародителей человечества и царя Давида, в раю же их встречал Благоразумный разбойник [Книга апокрифов, 2005, с. 322–366]. Исследователи уже не раз отмечали отражения сюжета «Схождение в ад» в русской литературе, в том числе в хрестоматийно известном стихотворении А.С. Пушкина «В Сибирь».

Другим примером Высшего милосердия, проявленного к осужденным грешникам, для отечественной культуры был древнерусский апокриф Хождение Богородицы по мукам [Памятники литературы Древней Руси, 1980, с. 166–183], старейший список которого датируется XII веком. Источник его – один из новозаветных апокалипсисов, византийское Откровение Пресвятой Богородицы [Апокрифические апокалипсисы, 2001, с. 238–251]. Хотя вопросы общей и частной эсхатологии стали рассматриваться христианской литературой очень рано, официальная церковь относилась к жанру откровений настороженно. (Даже Апокалипсис Иоанна Богослова, ставший ныне частью христианского канона, до IX в. находился на грани апокрифичности, отчего его текст не используется в богослужении.) Настороженность вызывала не только явная субъективность откровений, но и неоднозначность впечатления от регулярно присутствовавших в них описаний наказания грешников. Яркость этих картин будила естественное сострадание наказуемым, что одновременно было чревато опасными сомнениями в справедливости Божьего Суда. Обвинение в этом кощунстве из уст Спасителя слышит повест-

вователем уже в первом произведении такого рода – Откровения Петра (начало II в.) [Книга апокрифов, 2005, с. 379]. Но в более позднем Откровении Павла тот же упрек «апостолу язычников» уже не может удержать его от жаркой мольбы о смягчении участи грешников, получивших в результате ее отдохновение от страданий на время Пасхи [Апокрифические апокалипсисы, 2001, с. 215–237]. В интересующем нас Откровении Пресвятой Богородицы тема «милости к падшим» звучит еще пронзительнее. Ведь в Откровениях Петра и Павла картина адских мук отчасти уравновешивалась описанием райского блаженства праведников, внимание же героини этого апокрифа всецело отдано страданиям «рода человеческого... на земле и на небе». Свое «хождение по мукам» Богородица совершает в сопровождении сонма ангелов, а роль «экскурсовода» доверена архангелу Михаилу, объясняющему Непорочной Деве топографию ада, а иногда и смысл самих преступлений. Но, даже признавая справедливость Божественного приговора грешникам, Богоматерь не может сдержать слез жалости к этим «несчастливым» и, наконец, заявляет, что хочет мучиться в аду вместе с ними. Поскольку ее желание не может быть исполнено, она просит о помиловании грешников, постепенно вовлекая в свою мольбу ангелов, пророков, апостолов и всех святых. Высший Судья, напоминая грешникам о страданиях Христа, непреклонен, но Богородица добивается для осужденных христиан отдохновения от мук в день Пятидесятницы.

Хотя первое упоминание об этом апокрифе на русской почве найдено в индексе запрещенных книг в составе Изборника 1073 года, «отреченность» вовсе не помешала распространению памятника, известного в многочисленных списках XII–XIX веков. Перелажая греческий текст Откровения, древнерусский книжник внес в него ряд изменений: сократил диалоги и добавил имена славянских богов. Главное изменение коснулось срока освобождения грешников от страданий: в древнерусском тексте осужденным христианам предоставлялась возможность славить Святую Троицу «от Великого четверга до святого пянтикостия» [Памятники литературы Древней Руси, 1980, с. 182]. Хотя рукописная традиция Хождения изучена явно недостаточно [Рождественская, 1987], очевиден глубокий след, оставленный этим апокрифом в отечественной культуре. Прежде всего, он повлиял на различные тексты эсхатологической тематики – от народных духовных стихов до современного романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001), где, на наш взгляд, отголоски идей и образов Хождения обнаруживаются в мистических видениях жены заглавного героя. Но это уже особая тема.

Как живое явление народного духа восприняла Хождение с момента его публикации в третьем выпуске «Памятников старинной русской литературы» (1862) отечественная словесность. Ф.М. Достоевский вложил в уста Ивана Карамазова восторженный отзыв об этом произведении, «смелостью картин не уступающем дантовым». М.А. Кузмин, предпринявший попытку «пересадить» древний жанр духовных стихов в культурную почву Серебряного века, начал свой одноименный поэтический (а первоначально вокально-инструментальный) цикл переложением именно этого апокрифа [Кузмин, 2000, с. 216–218]. Особое место заняло Хождение Богородицы в творчестве А.М. Ремизова, в память которого врезалось желание Божьей Матери мучиться в аду вместе с грешниками. Этот эпизод он вспомнил и в романе «Пруд», и в повести «Крестовые сестры», а также создал собственный прозаический пересказ древнерусского апокрифа. Отдельной жизнью в русской литературе XX в. зажило выражение «хождение по мукам» [Ковтун, 2010, с. 39], ставшее, например, заглавием романа, а позднее трилогии А.Н. Толстого. Но особенно интересной представляется нам трансформация этого древнерусского апокрифа в пронзительном апокрифе века двадцатого, стихотворении Ю.О. Домбровского «Амнистия» Приведем его текст.

Амнистия
Апокриф

Даже в пекле надежда заводится,
Если в адские вхожа края
Матерь Божия, Богородица,
Непорочная дева моя,
Она ходит по кругу проклятому,
Вся надламываясь от тягот,
И без выбора каждому пятому
Ручку маленькую подает.
А под сводами черными, низкими,
Где земная кончается тварь,
Потрясает пудовыми списками
Ошарашенный секретарь.
И кричит он, трясась от бессилия,
Поднимая ладони свои:
– Прочитайте вы, дева, фамилии,
Посмотрите хотя бы статьи!
Вы увидите, сколько уводится
Неудобного Небу зверья, –
Вы не правы, моя Богородица,
Непорочная дева моя!
НО идут, но идут сутки целые
В распахнувшиеся ворота
Закопченные, обгорелые,
Не прощающие ни черта!
Через небо глухое и старое,
Через пальмовые сады
Пробегают, как волки поджарые,
Их расстроенные ряды.
И глядят серафимы печальные,
Золотые прищулив глаза,
Как открыты им двери хрустальные
В трансцендентные небеса;
Как крича, напирая и гикая,
До волос в планетарной пыли,
Исчезает в них скорбью великая,
Умудренная сволочь земли.
И глядя, как кричит, как колотится
Оголтевшее это зверье,
Я кричу:
– Ты права, Богородица!
Да святится имя твое!

Колыма, зима 1940 г.

[Домбровский, 1997, с. 35–36]

Хотя Ю.О. Домбровский не считал себя поэтом (его поэтическое наследие было собрано и опубликовано посмертно его вдовой [Домбровский, 1997]), приведенное нами стихотворение доказывает явную заниженность авторской самооценки. На наш взгляд, «колымский апокриф» Домбровского заслуживает специального анализа по ряду причин. Прежде всего, это выразительный художественный документ времен культа личности, созданный на одном из самых страшных «островов» «архипелага ГУЛАГ». Другой «колымчанин поневоле», В.Т. Шаламов

в своих бескомпромиссно суровых рассказах не раз изображал неумолимый процесс деградации и распада личности, надолго опережавший здесь физическую гибель человека. Однако стихотворение «Амнистия» самим своим существованием наглядно доказывает наличие и противоположно направленного движения – сопротивлению человеческого духа нечеловеческим условиям жизни. Память ээка Домбровского сохраняет чувство своей причастности сокровищам мировой культуры, на основе которых он и создает свой оригинальный поэтический текст. В словесной ткани этого стихотворения соседство «серафимов» и «сволочи», «амнистии», «пекла» и «трансцендентных небес» не звучит какофонией, а удивительная яркость деталей («маленькая ручка» Богородицы, «золотые глаза» серафимов и т. п.) создает эффект реальности разыгрываемой на наших глазах лагерной мистерии. Стихотворение «Амнистия» хочется назвать апокрифом вдвойне. С одной стороны, оно апокрифично с позиций литературного канона и религиозной догматики. Ведь еще со времен Достоевского тюремно-лагерное пространство возвышенно и трагично сравнивалось с дантовым Адом. «Адские края» в изображении Домбровского, названные в начале стихотворения простонародным словом «пекло», иронически низведены автором до уровня одного из учреждений системы ГУЛАГа. Черные и низкие своды места, «где земная кончается тварь», напоминают лагерный барак, в «пудовых списках» адского архива указаны фамилии и статьи осужденных грешников, практически не отличимых от ээков, а место архангела Михаила занял «ошарашенный секретарь», взбешенный «неправильным» поведением посетившего его учреждение «чужого начальства». В этом тексте Богородица вовсе не нуждается в услугах «экскурсовода», ибо цель ее нового посещения ада иная. Человеколюбивая фантазия поэта-узника создает сценарий новой мистерии, богословский смысл которой состоит в повторении Божьей Матерью пути искупления, некогда проложенного в ад ее Сыном. Протянутая амнистируемым узникам «пекла» маленькая ручка Богородицы повторяет закреплённый каноном жест Христа на сакральных изображениях Его схождения в ад. Хотя Божья Мать лишена возможности повторить жертвенное поправление смерти смертью Бога-Сына, равно как не было дозволено ей разделить муки грешников, она может принять на себя хотя бы отчасти «тяготы» чужой вины именно в силу собственной непорочности. Несмотря на догматическую вольность этого допущения, в целом жертвенная миссия Богородицы в стихотворении «Амнистия» соответствует отечественной традиции трактовки ее образа как «теплой заступницы мира холодного» и «всеобщей матери».

Однако религиозная и поэтическая вольность Юрия Домбровского идет много дальше. Как известно, Христос вывел из ада лишь ветхозаветных праведников, в древнерусском апокрифе Богомать молила о снисхождении только для осужденных христиан. В «Амнистии» Непорочная Дева подает свою маленькую ручку «без выбора каждому пятому» из заключенных, не различая меры их вины и вероисповедания. Эта черта делает стихотворение «апокрифом» и по отношению к русской лагерной литературе XX века, усомнившейся во многих представлениях традиционного гуманизма, например, в обязательности высшего нравственного закона для всех обитателей тюремно-лагерного пространства. Приходится констатировать, что лагерная литература минувшего века в большинстве своем приняла навязанное ей «архитекторами» ГУЛАГа противопоставление политических заключенных уголовным. Ужас и отвращение, с которыми изображаются уголовники в произведениях А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, выводят их персонажей за грань человеческого. Лирический герой Ю.О. Домбровского в столкновениях с уголовниками, как правило, не страшится отвечать злу насилием (примером может служить стихотворение, давшее название его поэтическому сборнику). Очевидно также, что и лирический герой, и автор стихотворения «Амнистия» не питают иллюзий относительно морального облика амнистированных, которые и людьми-то в этом тексте не названы. Но в глазах Домбровского выпавшие на

долю узников страдания были столь тяжелы, что умудрили и возвеличили скорбью любого из них. Показательно, что лирический герой не попал в число амнистированных и наблюдает их вселенский исход со стороны. Но это обстоятельство не мешает ему присоединить свой голос к крикам рвущегося «в трансцендентные небеса» «зверья», подтверждая своей осанной Богоматери правоту и справедливость этого акта милосердия.

В.Т. Шаламов однажды назвал пребывание в лагере отрицательным опытом для любого человека, ибо «оно никого не сделало лучше и сильнее» [Шаламов, 1998, с. 122]. Высказывание явно полемично характерному для русской культуры восприятию тюремно-лагерного пространства в контексте *мифа о великом грешнике*. Однако рассмотренное нами лагерное стихотворение Ю.О. Домбровского опровергает мрачный максимализм Шаламова подобно тому, как противоречит этому максимализму и собственное творчество автора «Колымских рассказов». Полемизируя с Хождением Богородицы по мукам, поэтический апокриф узника ГУЛАГа одновременно продолжает и развивает начатую этим древнерусским памятником традицию утверждения «милости к падшим», ставшей одной из важнейших идей отечественной словесности.

Литература

Апокрифические апокалипсисы / Пер., сост. и вступ. ст. М.Г. Витковской, В.Е. Витковского. СПб., 2001. (Серия «Античное христианство: Источники»).

Домбровский Ю.О. Меня убить хотели эти суки. М., 1997.

Живов В.М. Русский грех и русское спасение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/08/13/pokojanie> (дата обращения: 14.08.2013).

Книга апокрифов. СПб., 2005. (Серия «Александрийская библиотека»).

Ковтун Н.В. Агиографический канон в творчестве Ф.А. Абрамова конца 1970-х – 1980-х годов // Федор Абрамов в XXI веке. Архангельск, 2010. С. 37–60.

Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 2000. (Новая библиотека поэта).

Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.

Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского классического романа // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М., 1988. С. 325–344.

Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. (Памятники литературы Древней Руси).

Рождественская М.В. Хождение Богородицы по макам // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Ч. 1: XI – первая половина XIV в. С. 463–465.

Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе. М., 1998.